

Петр Пильский

Аркадий Аверченко

Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. -- М.: Республика, 1994.

OCR Бычков М. Н.

Наиболее популярным жанром в зарубежье вместе с историческими романами и мемуарами был короткий юмористический рассказ. В ранние годы эмиграции самым известным писателем-юмористом, более даже, чем Тэффи, был Аркадий Аверченко. С молодости он сотрудничал в сатирических журналах. Широкая известность пришла к нему в годы работы в "Сатириконе". О его первой книге -- "Рассказы. (Юмористические)" -- критика писала как о произведении "чистого сатирического дарования". Стало почти общим местом сравнение таланта Аверченко с ранним Чеховым. С выходом в 1912 г. сборников "Круги по воде" и "Рассказы для выздоравливающих" за Аверченко закрепилась репутация "короля смеха". В эмиграции его книги выходили по-русски в Праге, Берлине, Париже, Константинополе, Шанхае, Варшаве, Загребе, Софии, Вашингтоне.

Аверченко приехал к нам три года тому назад. Это было в феврале 1923 года¹. Вместе с актером Искольдовым и его женой, актрисой Раич, он совершал театральное турне: ставил свои пьесы, сам в них играл, со сцены читались его рассказы. Вечера проходили с успехом. Почти тотчас же по приезде он пришел в редакцию. Мы встретились после многих лет разлуки, не видав друг друга более пяти лет. Аверченко был все тот же.

Ах, конечно, я говорю не о человеке, не о друге, не о писателе. Тут не могло быть никаких неожиданностей, никаких превращений и утрат. Но и внешне он оставался таким же, каким я знал его семнадцать длинных лет.

Между прочим, за весь этот период судьбе было угодно сводить нас в самых неожиданных местах. В 1909 году я попал в Харьков, туда приехал Аверченко. Потом, через несколько лет, мне пришлось пожить в Киеве, и тут опять произошла наша встреча. Через некоторое время мы снова сидели в его номере в одесской "Лондонской" гостинице. Затем я жил в Москве, но судьба занесла Аверченко ко мне и сюда.

Теперь последнее свидание произошло уже в Ревеле, и опять все дни его пребывания здесь мы провели, не разлучаясь, вместе.

Ни выражение лица, ни общий тон речи и отношение к жизни, ни доверчивая искренность, ни веселый, чуть-чуть лукавый смех, ни его льющееся остроумие ничего не утратили в своем прежнем облике и своей светлой красоте.

Эта неделя мне особенно памятна. Ему Ревель понравился. Его прельщала старина, эти узкие улицы, древние здания, ратуша, люди. Но и ревельцы сумели окружить его лаской, теплом и любовью. Аверченко приглашали наперерыв.

Потом, когда он уехал, о нем долго и много вспоминали, и я часто получал поручения посылать ему поклоны и приветы в письмах, и однажды две милые дамы приказали мне передать ему "поцелуй в лоб". Я ему об этом написал. В своем юмористическом ответе (все его письма ко мне носят юмористический характер) он выражал недоумение:

-- Ты пишешь: "Н. и Н. целуют тебя в лоб" (!?)... Милые старомодные чудачки! Не могли найти другого места. О, как они выгодно выделяются на нашем разнузданном фоне" и т. д.

Мой глаз приятно подмечал в Аверченке ту мягкую естественную, природную воспитанность, которая дается только чутким и умным людям. Его очарование в обществе было несравнимо. Он умел держать себя в новой и незнакомой среде легко, в меру свободно, неизменно находчивый, внимательный, ясный, равный и ровный со всеми и для всех. Это большое искусство, им может владеть только талантливая душа, и Аверченке был дан дар пленительного шарма. Он покорял. Но рядом с этой веселостью, внешней жизнерадостностью теперь в его отношении к людям вплелась еще одна заметная нить: он был внимателен и заботлив к другим. Правда, отзывчивость всегда была одной из его прелестных черт. Теперь она стала углубленной, преобразившись из готовности откликнуться в искание возможности понять, помочь и услужить. Прежде он не мог отказывать, сейчас он не мог отказать себе в удовольствии быть полезным.